

Автор Слова, надо полагать, был сам охотником, в частности ловцом-соколятником; он прекрасно был знаком со всем охотничьим обиходом. Сравнение героев с соколами — его излюбленный прием. Из более чем 80 упоминаний животных на долю сокола приходится 15 (и однажды назван кречет). Привычки сокола автор знает превосходно, и это знание отражено им в ряде высоко художественных образов. В „златом слове“ Святослава: „Коли соколъ въ мытєхъ бываєть, высоко птиць възбиваєть, не дасть гнѣзда своего в обиду“. Выражение „въ мытєхъ“ и до настоящего времени сохранилось кое-где среди охотников; этим термином обозначают линьку, главным образом тот период, когда молодая птица надевает оперение взрослой птицы, т. е. достигает половой зрелости.¹ Птицеводам хорошо известно, с какой отвагой прогоняет сокол от своего гнезда даже значительно более сильного, чем он сам, орла-беркута.

Наблюдательный знаток природы сказался и тогда, когда автор Слова создал следующее уподобление „буести“ князей Романа и Мстислава: „яко соколъ на вѣтрєхъ ширяєся, хотя птицю въ буйствѣ одолѣти“. Крупные хищные птицы могут „ширяться“, т. е. парить преимущественно тогда, когда есть течение воздуха. Только с развитием авиации выяснился механизм парящего полета птиц, когда на крыло, согласно принципу так называемой „пластинки Филиппса“, действуют две силы: встречное давление воздуха и вес птицы. От взаимодействия этих сил птица, не двигая крыльями, летит вперед. Термин „ширяться“ сохранился в украинском языке, как единственное слово для обозначения парения.

Мысль об углубившемся в степь войске Игоря вызывает снова у автора образ сокола: „О! далече зайде соколъ, птиць бя, къ морю“. Это утверждение вполне отвечает привычкам сокола-сапсана (*Falco peregrinus Tunst.*), который, вслед за стаями диких уток, осенью улетает к Черному и Азовскому морям — местам зимовок большинства видов наших северных уток. Соколы, упомянутые в Слове, повидимому, принадлежат преимущественно к сапсанам и кречетам. Об этом свидетельствует следующий отрывок: „полете соколѡмъ подѣ мьглами, избивзя гуси и лебеди“. Третьего нашего сокола — балобана (*Falco cherrug Gray*) реже употребляли для ловли таких сильных птиц, как гуси и лебеди. Их могли бить, преимущественно, сапсаны, более крупные самки и кречеты. Кречет, кречат или кричат, как его иногда называют в древних источниках, был, повидимому, норвежский кречет (*Falco gyrfalco L.*). Из Скандинавии эту ценную ловчую птицу привозили на юг в княжеские охоты („сизый кречет“ часто упоминается в украинских думах XVI—XVII вв.). Ловчие птицы — сокол, кречет и ястреб — дорого ценились в Киевской Руси. В Русской Правде за кражу ловчей птицы был

¹ Нельзя поэтому признать правильным перевод Жуковского: „сокол в мытєхъ“ — „сокол ученый“.